

ЭТНОЛОГИЯ

Р.И. Бравина, Д.М. Петров

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, Якутск, 677027
E-mail: bravinari@bk.ru; dmpetrov-92@mail.ru

ПЛЕМЕНА, «СТАВШИЕ ВЕТРОМ»: К ВОПРОСУ ОБ АВТОХТОННОМ СУБСТРАТЕ В ЭТНОКУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ ЯКУТОВ

При рассмотрении проблемы происхождения якутов (саха) до сих пор недостаточно изученными остаются вопросы об этнокультурных взаимодействиях местных и пришлых этнических групп, идентификации автохтонных племен, принимавших участие в сложении якутского народа. В якутских преданиях упоминаются «ставшие ветром» хара-сагылы, загадочные саха с «продолговатыми головами», воинственные туматы/дьирикинэй и другие, культуры которых трудно связать с конкретными археологическими культурами (или памятниками) и современными народами Сибири. В статье на основе данных фольклора, этнографии, антропологии и археологии предпринята попытка реконструкции облика самобытной культуры автохтонных племен Якутии и сравнительно-исторического анализа отдельных ее элементов и традиций и культур коренных народов Северной Азии. Данные комплексных исследований свидетельствуют о присутствии древних этнокультурных связей между предками якутов и современными уральскими народами Западной Сибири.

Ключевые слова: Якутия, якуты, этнокультурогенез, автохтонные племена, самодийцы, палеоазиаты, археологические культуры, неолит, эпоха палеометалла, средневековье.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127

Проблема этногенеза якутов имеет обширную историографию. Но, тем не менее, многие вопросы остаются все еще в тени, как писал в свое время С.А. Токарев, имея в виду «развитие аборигенного субстрата, влившееся в состав якутской народности» [1949, с. 21]. Большинство исследователей идентифицировали автохтонные племена, с которыми встретились «южные» тюрко-монгольские предки якутов, как юкагиров и тунгусов [Токарев, 1949; Окладников, 1955; Константинов, 1975; Гоголев, 1993; и др.]. По гипотезе А.Н. Алексеева [1996] и С.И. Николаева-Сомоготто, аборигенный пласт в культуре якутов, вероятнее всего, был представлен палеоазиатскими и прасамодийскими племенами.

В изучении данной проблемы большое источниковедческое значение имеет цикл исторических преданий и рассказов о «неякутских» племенах, занимавших до прихода якутов значительную часть обширной территории современной Якутии. Однако эти фольклорные данные не в полной мере задействованы в комплексных этногенетических исследованиях, будучи в отрыве прежде всего от археологических источников.

По преданиям центральных якутов, на территории Борогонского (ныне Усть-Алданского) и Мегинского улусов до прибытия якутов жили племена, «ставшие ветром» или «развеянные ветром» (якут. *тыгал буолбуттар*). «Они соединились и смешались с якутскими родами, и потомки их, очень немногочисленные люди, до недавнего времени вели кочевую жизнь, занимаясь охотой» [Исторические предания..., 1960, с. 92–93]. С.И. Боло в 1936 г. со слов женщины-информатора писал: «Одного из... потомков, престарелого старика Леонтия Бёх-Сюлюйэ видела я примерно лет пятьдесят тому назад. Тогда все говорили о нем: «Этот старик родовитый, потомок хара сагыл из старинного рода “ставших ветром”; он страшный шаман-губитель...» [Там же, с. 93]. Похожие рассказы были распространены в приполярных Верхоянском и Булуномском районах, согласно им хара дьукаагырдар (черные юкагиры) произошли от людей племени хара сагыл, впоследствии перекочевавших из лесистых мест в тундру [Там же, с. 282].

В преданиях этой группы якутов также говорится, что до прибытия предков якутов Омогой Баая и Эллай Боотура на Лене жило племя саха со своим укладом жизни, особыми обычаями и нравами. «Говорят, жили они здесь издавна, племя их было многочисленным. Но нет никаких преданий о том, откуда они прибыли, в какое время заселили эту страну, или же они были ко-

ренными жителями... Известно лишь только то, что они назывались “саха”, “сахалар”, что были они с продолговатыми головами, с узкими бедрами, без ляжек. Рассказывают, что они занимались охотой на диких оленей и лосей и рыбной ловлей, добывая этим себе пропитание, не брезгуя при этом даже разного рода насекомыми, личинками, гусеницами (*араас кусаган юёню*)» [Боло, 1994, с. 22].

Среди преданий этого цикла обширностью ареала выделяются легенды о туматах, которые имели распространение у центральных, вилюйских и северных якутов. «Туматцы были многочисленны; какого они племени и происхождения, неизвестно,— говорится в предании, записанном у центральных якутов. Сказывали, что они не были якутами; по-видимому, они, поселившись в Якутской стране и объякутились. Люди западной тайги — вилюйские якуты, говорят, в старину сильно и постоянно воевали с туматским племенем. Поэтому по преданиям выходит, что туматцы были особым племенем или народом...» [Исторические предания..., 1960, с. 103]. «Здесь, на Вилюе, раньше жил иноплеменный народ по имени тумат,— говорится в сунтарском варианте легенды. Среди них была сильная и мужественная девушка, которая наряду с мужчинами участвовала и в перестрелках из луков. Звали ее Джаардаах» [Ксенофонтов, 1977, с. 206]. В дальнейшем она, родив сыновей, ставших родоначальниками, в исторической памяти вилюйских якутов приобрела статус прародительницы.

У туматских родов не было не только лошадей, но и, по-видимому, крупного рогатого скота, хотя в некоторых вариантах легенд говорится, что «они имели одну-единственную корову», которую кормили, «скашивая одну большую поляну» [Там же, с. 198; 1992b, с. 95]. Средства к существованию давали им в основном рыболовство, охота и добыча сосновой заболони. Их жилища представляли собой укрытые дерном полуземлянки *холомо* и располагались недалеко от крупных водоемов [Ксенофонтов, 1977, с. 221]. Туматы носили одежду из звериных шкур, обвешанную кистями из оленьих волос и вышитую разноцветным бисером. У них был обычай пришивать к своим кафтанам «хвосты» из окрашенных в красный цвет пучков оленьей шерсти. Они носили шапки, окрашенные красной охрой [Окладников, 1955, с. 339]. Из-за наличия цветных швов на одежде якуты называли их племенем *дьурикинэй* (якут. *дьурики* — бурундук), а из-за обычая татуировать лицо — «тигиилээх сырайдаах» (с прошитыми лицами). Туматы имели суровый вид и жестокий нрав. «Народ этот занимался людоедством» — поедали мясо убитых врагов и военнопленных. У них существовал своеобразный обычай гостеприимного каннибализма: «для дорогих гостей» они откармливали дочерей. Для заклания «своих лучших девиц» туматы применяли «особые топоры и ножи не из железа» [Гоголев, 2008, с. 70; Окладников, 1955, с. 339].

Архаичность быта упоминаемых в фольклоре туматов приводит к заключению о древности обитания их на территории Якутии и связи их с автохтонным субстратом в этнокультурогенезе якутов. По предположению топонимиста М.С. Иванова-Багдарын Сялбэ, антропоним *Джаардаах/Джаархан* происходит от юкагирского слова *йархан* (букв. Ледяной) [Иванов, 2000, с. 19]. А.П. Окладников считал туматов отунгушенными юкагирами или изначально тунгусами [1955, с. 339].

К вилюйским легендам о туматах по некоторым сюжетным признакам примыкают хосунные сказания северных якутов-оленоводоо о племенах *юнкээбил*, которые сопоставляются с современными юкагирами, *майааты* (нганасаны), *саамай* (общее название самодийцев), *дьураак* (юраки — устаревшее название ненцев). По мнению В.А. Туголукова, предки этих племен, принадлежавших к уральской (финно-угорской и самодийской) языковой семье, и туматы составили доякутское население Вилюя [1985, с. 216]. Согласно Л.П. Потапову, в непосредственной связи с этнонимом «тумат» находится племенное название *дубо*, упоминаемое в средневековых китайских источниках среди наименований «лесных» народов Саяно-Алтая [Потапов, 1969, с. 182].

Историко-сравнительный обзор элементов хозяйства и культуры туматов на основе анализа данных фольклора выявляет сходство с культурой палеоазиатских и самодийских народов Северной Сибири. Так, жилища *холомо*, заваливаемые дерном, в которых обитали туматы, вероятно, восходят к «карамо» — жилищу земляночного типа у самодийских народов. *Карамо* обычно сооружались на холмах или обрывах, поблизости от водоемов. Дверь в землянку часто располагалась таким образом, чтобы в нее можно было попасть только с воды. В якутских легендах *холмо* также стойко связываются с озерами и реками, что иногда отражается в гидронимах (оз. Холмомох в Вилюйском улусе, р. Холмомох Юрях (речка с холмомо) в Сунтарском улусе и др.).

Интерес представляет описание одежды туматов, которая по крою напоминала тунгусский «фрак» — кафтан с удлиненной частью спинки (так называемый хвост). В.А. Туголуков считает, что тунгусы восприняли туматский способ пришивать к своим «фракам» хвосты из оленьей

шерсти, окрашенной в красный цвет. По его данным, аналогичная манера украшать одежду была свойственна эвенкам верхнего течения Ангары в XVII в. и эвенкам нижней Колымы в начале XIX в. [Туголуков, 1985, с. 216, 235]. На Алтае этот же элемент — острый мыс в нижней части спинки — сохранялся в одежде кумандинцев, а также хакасов, свидетельствуя о преемственности древнеалтайской традиции в этнографической современности [Василевич, 1958, с. 172, 176]. Мужской «фрак» из собольего меха с очень длинной (почти до пят) задней фалдой был обнаружен в катандинском кургане пазырыкской культуры [Яценко, 2006, с. 98, рис. 46, 22; 49, 3]. У пазырыкцев были распространены шапки-шлемы, войлочная основа которых нередко окрашивалась в красный цвет [Там же, с. 90]. Конструктивные швы верхней одежды обшивались красным ремешком или красной тесьмой, что у населения Горного Алтая еще недавно считалось оберегом [Полосьмак, 2001, с. 109]. При этом к подолу и на спинку шубы пришивались пучки волос, окрашенные в красный [Полосьмак, Баркова, 2005, с. 57, рис. 230].

Весьма ценны сведения и об обычаях этого племени. У туматов, подобно героям хосунных сказаний, бытовала традиция нанесения на лица татуировок, с чем связано еще одно их якутское название — *тигиилээх сырайдар* («шитолицы»). В «Актах архивов Якутской области» приводится ряд документов «о шитых рожах» [Стрелов, 1916, с. 51, 61, 104]. В материалах И.Г. Гмелина имеется сообщение о встреченных им в ноябре 1773 г. в Казани якутах — юноше и девушке с причудливыми татуировками на лицах, которых везли к царскому двору [Окладников, 1955, с. 282]. По этнографическим материалам, сунтарские якуты вплоть до 1920-х гг. наносили на лицо татуировку с помощью приезжих с Хатанги «тунгусов» [Саввин, ф. 4, оп. 12, д. 8, л. 3]. В исторический период времени татуировка была зафиксирована в Сибири, в основном в трех регионах — у эскимосов и чукчей на Крайнем Северо-востоке, у хантов, манси и селькупов в бассейне Оби, у западных эвенков в бассейне Енисея (при этом восточные эвенки данного обычая не имели). Н.В. Ермолова в качестве исторического аналога приводит зафиксированные в таштыкской культуре узоры на посмертных погребальных масках, трактуемые специалистами как изображения татуировок [2000]. Археологи отмечают таштыкский компонент в этногенезе современных народов, в том числе самодийцев, угров и кетов [Вадецкая, 1999, с. 178].

Антропофагия является признаком глубокой архаичности культуры аборигенов Вилюя. Данный этнокультурный маркер также роднит туматов с самодийскими племенами. У манси сохранились предания о нашествии с севера «свирых дикарей-людоедов» на берестяных лодках, в которых принято видеть самодийцев [Головнев, 1995, с. 101, 105]. Джарханский Быркынаа-Боотур поедает сердце и печень поверженных врагов, а его брат-калека Босхон-Бэлгээти исцеляется и приобретает богатырскую силу, «съев жир с печени и сердца» своей невестки [Ксенофонов, 1992b, с. 90; 1977, с. 208]. Герои хосунной эпопеи оленекских якутов ели костный мозг врага [Ксенофонов, 1992a, с. 343], что напоминает старинный обычай селькупов есть мозг поверженного противника [Головнев, 1995, с. 140]. Этот мотив прослеживается и в фольклоре лесных юкагиров верхней Колымы [Жукова, 2010].

Интересны и другие воинские обычаи якутов периферийных территорий. «Глубочайшей древностью веет от военного обычая хосунов снимать скальпы с головы поверженных противников, что напоминает нравы североамериканских индейцев», — пишет Г.В. Ксенофонов о сказаниях бассейна р. Оленёк [1992a, с. 342–343]. Палеопатологическое исследование средневековых краниологических материалов Среднего Приобья и Прииртышья выявило, что у групп таежного населения, относимых к разным археологическим культурам, в VIII–XII вв. бытовал обычай скальпирования побежденных противников для получения престижных воинских трофеев [Бородовский, Табарев, 2001]. Истоки этого обычая, возможно, уходят в древний мир скифских племен, чьи воины привязывали вражеские скальпы к сбруям лошадей. Так, следы скальпирования обнаружены на теле мужчины из 2-го Пазырыкского кургана [Руденко, 1948, с. 54]. На черепе также имеются три отверстия, пробитые чеканом, через которые, возможно, продергивался кожаный ремешок для подвешивания к седлу [Грач, 1980, с. 73, 254]. С притороченными к седлу боевого коня человеческими головами ездил Великий Омолдоон — герой сказаний якутов Нюрбинского улуса, внук туматки Джаархан [Ксенофонов, 1977, с. 200].

Исследователи отмечают аналогии в практике и обрядовом фольклоре шаманов самодийских народов, кетов, енисейских эвенков и якутов. Некоторые концептуальные положения якутского шаманизма, в частности сакральная триада «шаман-дерево-птица», являются наиболее устойчивыми признаками присутствия древнейших реликтов прауральских верований. К ним можно отнести образ ныряющей водоплавающей птицы и антропоморфные деревянные

скульптуры, имевшие большое значение в обрядовой практике якутов. Характерной особенностью шаманства западных (енисейских) эвенков, в отличие от восточных, является специальный обряд оживления бубна, во многом подобный тому, который был свойствен саяно-алтайскому культурному кругу и генетически связанному с ним шаманству селькупов, кетов и якутов. Л.Р. Павлинская усматривает в костюмах с металлическими подвесками самодийских народов, а также бурят и якутов «генетическое единство» [2001, с. 231]. О заселении Якутии древними самодийцами и палеоазиатами свидетельствуют и данные топонимики [Степанов, 2005].

В предании центральных якутов о загадочных *сахаларах* внимание привлекает «продолговатость» их голов. Возможно, речь идет о людях с преднамеренно деформированной головой. Данный обычай зафиксирован в грунтовом погребении подростка, датированном XVIII в., исследованном саха-французской экспедицией возле с. Остуолба в Верхоянском районе. На территории Евразии обычай деформации головы был массовым, повсеместно распространенным явлением. В погребениях могильника Устюг-1, относящегося к бакальской культуре, существовавшей в Притоболье в IV–XIII вв. н.э., почти у всех погребенных зафиксированы деформированные черепа. Очевидно, им в детстве надевали на голову мягкую круговую повязку, которая сдавливала череп и придавала ему удлиненную форму [Слепцова, 2016, с. 52–53]. У якутов традиционного времени идеальной формой считалась круглая голова и с этой целью ежедневно, в течение первых трех месяцев, массировались головы новорожденных. Про длинноголовых людей говорили, что затылок у них как у желны (черного дятла) [Саввин, д. 35, л. 37; д. 50, л. 18–20].

В пользу принадлежности части автохтонов Якутии к уральским и енисейским популяциям говорят результаты исследования черепов катангского антропологического типа из неолитического могильника Туой-Хая, обнаруженного в верхнем течении Вилюя на территории Мирнинского района [Гоголев, 2008, с. 66]. По легендам, записанным Г.В. Ксенофонтовым в Хочинском (ныне Сунтарском) улусе, Туой Хайа под названием Чона входил в ареал расселения туматов (см.: [Ксенофонтов, 1977, с. 221–223 и др.]). Г.Ф. Дебеч связывал происхождение этого типа с лесной частью Саяно-Алтая — зоной распространения протосамодийских и протокетских родоплеменных групп. В настоящее время характерен для угров, самодийцев, тофаларов, тувинцев-тоджинцев, енисейских эвенков и населения Байкальского региона. По мнению А.И. Гоголева, «такая постановка предполагает наличие связей части Западной Якутии с Прибайкальем и бассейном Енисея во времена нового каменного века (IV–II тыс. до н.э.) и в последующее время» [2008, с. 66]. В свое время И.М. Золотарева и В.П. Алексеев высказывали предположение, что нганасаны и лесные ненцы по своему антропологическому типу обнаруживают определенные черты сходства с юкагирами [Алексеев, 1971, с. 73; Золотарева, 1971, с. 44].

В дальнейшем изучалась серия черепов из могильника Дириг Юрэх на Средней Лене, который относится к позднему неолиту, заключительному этапу ымыяхтахской культуры. Антропологи И.И. Гохман и Л.Ф. Томтосова, исследовав краниологическую серию черепов Дириг Юрэх, пришли к выводу, что население Якутии позднего неолита принимало участие в становлении антропологического типа современных якутов [1992, с. 117]. Об этом же свидетельствуют данные молекулярной антропологии. Исследования, проведенные методом гибридизации ДНК, показывают, что в становлении генофонда якутов участвовал мощный пласт, имеющий палеоазиатскую основу, что «по крайней мере часть якутов можно назвать палеоазиатами в центральноазиатских масках» [Шереметьева и др., 1983, с. 28–32]. Из приведенных материалов следует, что генотип современных якутов, вероятно, сложился в результате смешения пришлых центрально-азиатских групп с племенами местных арктических палеоазиатов и прасамодийцев.

Рассматриваемая гипотеза подтверждается частично и археологическими данными. В связи с историко-культурными контактами древнего и средневекового населения Якутии и Западной Сибири особого внимания заслуживает культура «малых домов», открытая и исследованная в 1940-е гг. А.П. Окладниковым [1955, с. 347–352]. Поселения находились «в том самом районе, где русскими письменными источниками начала XVII в. отмечены “пешие якуты” — вблизи речки Даалган (Тонус Хайата. — *Прим. авт.*), около озер Большой и Малой Кустэштээх, — пишет А.П. Окладников. — Оба озера богаты рыбой. Там же водится много уток и турпанов, а в окружающих лесах — лоси, медведи и другие звери» [1955, с. 347]. Жилища этих поселков делались на две группы: малые четырехугольные дома с очагом из каменных плит и большие круглые постройки типа земляной юрты *холомо*. Верхняя и боковые части домов обоих типов обкладывались дерном и засыпались землей. Подобные жилые постройки сооружались в XIV–XVI вв. (кулун-атахская культура), а также якутами в XVII–XVIII вв. В культурных остатках внутри

Племена «ставшие ветром»: к вопросу об автохтонном субстрате в этнокультурогенезе якутов

жилищ встречаются кости только диких животных и рыб и почти отсутствуют керамические находки. Они, как правило, представлены остатками не более чем одного глиняного горшка в одном поселении. В якутских преданиях говорится, что древние местные племена были столь бедны, что на всю семью был только один горшок для варки пищи. «Подобно древнейшим местным сосудам каменного, бронзового и раннего железного веков, глиняные горшки из “малых домов” имели очень тонкие стенки и отличались своеобразным орнаментом в виде поясков из тонких налепных валиков, иногда разомкнутых в середине. Их венчики часто рассечены сверху косыми насечками, так же как и венчики древнейших сосудов Якутии,— пишет А.П. Окладников. — Вместе с такими архаическими признаками, уходящими вглубь древнейших культурных этапов Якутии, в керамике «малых домов» имеются, однако, и совершенно другие, новые элементы. Сосуды эти имели уже не круглое, а плоское дно; в орнаменте впервые появляется, неизвестный прежде, тисненный узор в виде отдельных фигурных вдавлений короткой палочкой с нарезным узором-штампом на конце. Хотя такие вдавления по технике и форме еще очень близки к древнему гребенчато-штамповому орнаменту раннего железного века, но в целом подобная орнаментация уже входит в число признаков, характерных для якутской керамики XVIII–XIX вв.» [1955, с. 350, рис. 93, 5].

Основываясь на данных якутского фольклора, учитывая близость орнаментации керамики «малых домов» с позднейшей якутской керамикой и исходя из господствовавшей тогда концепции позднего прихода тюркоязычных предков якутов на среднюю Лену, А.П. Окладников предположительно датировал культуру «малых домов» XV–XVI вв.

В 1970-е гг. исследование объектов культуры «малых домов» продолжил И.В. Константинов, изучавший поселения в том же месте возле Сангар, а также поселение Хара-Алдан в бассейне Алдана [1978, с. 46–48]. Он поддерживал мнение А.П. Окладникова о том, что культура «малых домов» представляет собой переходный этап в эволюции культуры от раннего железного века к традиционной якутской. Датировать с полной определенностью культуру «малых домов» автор воздержался [Там же, с. 49], но, учитывая, что возраст культуры был омоложен его предшественником, он удревил его на одно-два столетия (XIII–XIV вв. н.э.). Более определенно по этому вопросу высказался В.И. Эртюков, который пришел к выводу, что традиции усть-мильской культуры бронзового века продолжали сохраняться в раннем железном веке Якутии, а также в культуре «малых домов» и кулун-атахской культуре. По его мнению, примерно в середине — конце II тыс. до н.э. на территорию Якутии из Прибайкалья, скорее всего через Верхнюю Лену и Верхний Вилюй, проникают носители традиций украшения керамики гребенчатым штампом и «жемчужиной» [Эртюков, 1990, с. 112–113].

В этом отношении интерес представляют материалы многослойной стоянки Улахан Сегеленях, расположенной на р. Токко, правом притоке Чары, в бассейне Нижней Олекмы. В IV слое стоянки были обнаружены остатки лодки-берестянки. Правда, авторы относят этот артефакт к тунгусскому комплексу [Кириллин, 1994, с. 170–171], хотя берестяные лодки существовали у многих коренных народов Сибири, в том числе якутов, нанайцев, ульчей, негидальцев и др. По мнению лингвистов, якутское слово *тыы* 'берестяная лодка' параллельно кетскому *ти* с тем же значением [Антонов, 1971, с. 78]. Возраст культурного IV слоя определяется по радиоуглеродному методу 890–1170 г. н.э. и 200–900 г. н.э. [Степанов, Дьяконов и др., 2012, с. 625]. В VI слое найдено изделие из рога северного оленя, которое представляет собой фрагмент «полулунной пластины, слегка изогнутой наподобие бумеранга». Пластина орнаментирована двойными продольными и диагональными резными линиями. Слой, в котором найдена пластина, датируется ранним железным веком [Степанов, Кириллин, 2003, с. 91–92]. Аналогичные по форме полулунные или «серповидные» бронзовые пластины входят в предметный состав рёлкинской культуры (VI–IX вв.) Томско-Нарымского Приобья [Чиндина, 1991, с. 172, рис. 32, 38, 39, 41]. По мнению археологов, данная культура имеет ряд признаков преемственности с кулайскими комплексами и сопоставима в то же время с этнографическими материалами современных угро-самодийских народов.

Параллели с самодийскими этническими общностями касаются и некоторых обрядовых практик, зафиксированных в памятниках позднего средневековья якутов. Так, в жилищах XVI–XVII вв. в непосредственной близости к очагу часто находят черепа собак. Ф.Ф. Васильев отмечает, что эта традиция имеет аналоги у уральцев, в частности у нганасан, которые приносили в жертву огню собаку, захоранивая ее под очагом [Васильев, 1994, с. 19]. Описание наземных захоронений у северных якутов в лодке, что характерно для обских угров, ненцев, некоторых групп эвенков и долган, содержится в статье В.Л. Приклонского [1890, с. 165–167]. Подобное захоронение было зафиксировано в 1987 г. в м. Кокунья на р. Алазея и определено исследова-

телями как юкагирское [Васильев, 1994, с. 19]. По этнографическим данным, обские угры иногда хоронили женщин и детей в корзинах [Семейная обрядность..., 1980, с. 130]. В погребении Уорай на р. Амга, датированном раннеякутской кулун-атахской культурой, женский костяк находился на бересте круглой формы, возможно представляющей собой дно большого сосуда [Гоголев, 1993, с. 89]. Вероятно, здесь берестяной сосуд выступал как символ колыбели из бересты.

Детей ханты и манси, селькупы и кеты часто хоронили в дуплах деревьев завернутыми в бересту либо в берестяных коробках-люльках [Семейная обрядность..., 1980, с. 130, 157, 160]. Подобный обычай был зафиксирован участниками Вилюйского отряда Якутской экспедиции АН СССР в 1920-х гг. на р. Вилюй. В 15 км от с. Шея в Сунтарском районе был обнаружен не совсем типичный для Якутии вид воздушного захоронения — труположение в дупле растущего дерева. Ствол дерева был спилен на высоте около 4 м от земли, в выдолбленной нише найден скелет ребенка 5 лет [Шрейбер, 1931, с.178]. Местные жители данное погребение называли «тунгусским».

Таким образом, рассмотрение якутских легенд и преданий об автохтонных племенах (*хара сагыл, сахалар, туматы*) сквозь призму этнографических данных позволяет сопоставить их обычаи и традиции с элементами самобытных культур самодийских народов Северной Сибири. Якутия никогда не являлась изолированным краем, ее население находилось в постоянном контакте с культурами сопредельных территорий. Об этом частично свидетельствуют хосунные сказания северных якутов-оленьеводов о племенах *юнкгээбил, майаат, саамай* и *дьураак*, которые соотносятся с современными юкагирами и самодийскими народами. Судя по данным археологии, аборигенный субстрат в этногенезе якутов был представлен праюкагирскими племенами — носителями традиций древних археологических культур позднего неолита и бронзового века Якутии и пришлого уралоязычного компонента — носителей культур эпохи раннего палеометалла. Следы этих древних культурно-исторических контактов прослеживаются в культуре «малых домов», предварительно датированной XIII в. и предшествовавшей раннеякутской кулун-атахской культуре XIV–XVI вв.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев А.Н.* Древняя Якутия: Железный век и эпоха средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 96 с.
- Алексеев В.П.* Лесные ненцы: (Соматологические наблюдения) // Вопросы антропологии, 1971. Вып. 39. С. 61–75.
- Антонов Н.К.* Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 176 с.
- Боло С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену: (По преданиям якутов бывшего Якутского округа). Якутск: Бичик, 1994. 352 с.
- Бородовский А.П., Табарев А.В.* Корреляция обычая скальпирования в Северной Америке и Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 207–210.
- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петерб. востоковедение, 1999. 441 с.
- Василевич Г.М.* Тунгусский кафтан: (К истории его развития и распространения) // СМАЭ. 1958. Т. 18. С. 122–178.
- Васильев Ф.Ф.* К вопросу об уральском компоненте в этнической культуре якутов // Этнос: Традиции и современность. Якутск, 1994. С. 16–23.
- Гоголев А.И.* Якуты: Проблемы этногенеза и формирования культуры. Якутск: Якут. ун-т, 1993. 200 с.
- Гоголев А.И.* Обзорение этнической истории Западной Якутии (до начала XX в.) // Наука и образование. Якутск: АН РС (Я), 2008. С. 66–72.
- Головнев А.В.* Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 600 с.
- Гохман И.И., Томтосова Л.Ф.* Антропологические исследования неолитических могильников Дириг-Юрях и Родинка // Археологические исследования в Якутии: Сб. трудов Приленской археол. экспедиции. Новосибирск: Наука, 1992. С. 105–124.
- Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: 1980. 256 с.
- Ермолова Н.В.* Татуировка в культурной традиции звенков: (К проблеме этногенеза) // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Четвертых Сибирских чтений. СПб., 2000. С. 113–118.
- Жукова Л.Н.* Каннибализм и мечта о счастливой жизни в сказочном фольклоре одулов (лесных юкагиров верхней Колымы) // Сев.-Вост. гуманитар. вестник. 2010. № 1 (1). С. 77–82.
- Золотарева И.М.* О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии // СЭ. 1971. № 1. С. 36–45.
- Иванов М.С.* «Замыслившие побег в Пегую орду...»: (О топониме Яркан-Жархан) // Илин. 2000. № 1. С. 17–20.
- Исторические предания и рассказы якутов.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. I. 322 с.

Племена «ставшие ветром»: к вопросу об автохтонном субстрате в этнокультурогенезе якутов

- Кириллин А.С.* Многослойная стоянка Улахан Сегеленнях в Южной Якутии // АО 1993 г. 1994. С. 170–171.
- Константинов И.В.* Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975. С. 106–173.
- Константинов И.В.* Ранний железный век Якутии. Новосибирск: Наука, 1978. 129 с.
- Ксенофонтов Г.В.* Элпэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Отв. ред. А.П. Окладников. М.: Наука, 1977. 246 с.
- Ксенофонтов Г.В.* Ураанхай сахалар: Очерки по древней истории якутов. Якутск: Нац. кн. изд-во РС (Я), 1992. Т. 1: В 2 кн. 1-я кн. (а). 416 с.; 2-я кн. (б). 317 с.
- Окладников А.П.* Якутия до присоединения к русскому государству // История Якут. АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 432 с.
- Павлинская Л.Р.* Некоторые аспекты культурогенеза народов Сибири (по материалам шаманского костюма) // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 229–232.
- Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
- Поталов Л.П.* Этнический состав и происхождение алтайцев: Ист.-этногр. очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.
- Приклонский В.Л.* Похороны у якутов в северной части Якутской области. // Сиб. сб. Иркутск, 1890. Вып. 1. С. 159–168.
- Руденко С.И.* Второй Пазырыкский курган: Результаты работ экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1947 г. Предварительное сообщение. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. 64 с.
- Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения / И.С. Гурвич, К.Д. Босаева, В.П. Дьяконова; Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1980. 240 с.*
- Слепцова А.В.* Обычай искусственной деформации черепа у населения Притоболья эпохи великого переселения народов // Экология древних и традиционных обществ: Материалы V Междунар. науч. конф. Тюмень: ТюмГУ, 2016. С. 57–60.
- Степанов А.Д.* Самодийская и юкагирская топонимика на карте Якутии: К проблемам генезиса древних культур Севера // Социогенез в Северной Азии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. Ч. 2. С. 223–227.
- Степанов А.Д., Дьяконов В.М., Воробьев С.А., Кириллин А.С.* Радиоуглеродное датирование, геоморфология и стратиграфия многослойной стоянки Улахан-Сегеленнях в Южной Якутии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сент. 2012 г.). Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. Вып. 3. С. 619–630.
- Степанов А.Д., Кириллин А.С.* Орнаментированная костяная пластина со стоянки Улахан Сегеленнях // Древние культуры Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеоинформатика. Новосибирск: Наука, 2003. С. 90–92
- Стрелов Е.Д.* Акты архивов Якутской области: (с 1650 г. до 1800 г.) // Известия Якут. обл. учен. архив. комиссии. Якутск: Тип. обл. упр., 1916. Т. 1. 308 с.
- Токарев С.А.* К постановке проблем этногенеза // СЭ. 1949. № 3. С. 12–36.
- Туголуков В.А.* Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 284 с.
- Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Рёлкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.
- Шереметьева В.А., Горшков В.А., Медников Б.Н.* Молекулярная история коряков Камчатки // Природа. 1983. № 1. С. 23–33.
- Шрейбер С.Е.* Медико-санитарное обследование населения Вилюйского и Олекминского округов // Материалы Комиссии по изучению Якут. АССР. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. Вып. 9. 372 с.
- Эртюков В.И.* Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. М.: Наука, 1990. 152 с.
- Яценко С.А.* Костюм древней Евразии: (Ираноязычные народы). М.: Вост. лит., 2006. 664 с.

Источники

Саввин А.А. Рукописный отдел ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 8, 35, 50.

R.I. Bravina, D.M. Petrov

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch RAS
Petrovskogo st., 1, Yakutsk, 677027, Russian Federation
E-mail: bravinari@bk.ru; dmpetrov-92@mail.ru

TRIBES «WHICH BECAME WIND»: AUTOCHTHONOUS SUBSTRATE IN ETHNOCULTURAL GENESIS OF THE YAKUTS REVISITED

The study of the origin of the Yakuts focuses on the ethnic history of their alien Turkic-Mongolian ancestors. Issues of mutual ethnocultural influence of local and alien ethnic groups and identification of autochthonous tribes who took part in formation of the Yakut people are not fully researched. Yakut legends mention the tribes «which

became wind», Khara-Sagyly, the mysterious «long-headed» Sakha, the bellicose Tumats/Jirikinei, etc. The question of their ethnic identification is one of the most complex and not fully developed within the issue of ethnocultural genesis of the Yakuts. Some researchers (A.P. Okladnikov, S.I. Tokarev, I.V. Konstantinov, I.E. Zykov and A.I. Gogolev) consider these autochthonous tribes as the Tungusic peoples. According to a hypothesis by A.N. Alekseev and S.I. Nikolaev-Somogotto, an aboriginal layer in the Yakut culture was probably represented by paleo-Siberian and pre-Samoyedic tribes. A successful study of this issue was largely impeded by the lack of informative and sufficiently reliable sources. This problem has been partly solved due to new archaeological discoveries in the last decade, especially to that of a multi-layered man site in Ulakhan Segelenneekh on the Olekma river and thanks to the data of modern molecular-genetic researches. An attempt of a paleoethnic reconstruction of the original culture of the autochthonous tribes of Yakutia and of a comparative historical analysis of ancient traditions and cultures of indigenous peoples of Northern Asia was made in the article combining the data on folklore, toponymics, ethnography, archaeology and ethnic genetics. Integrated research data tell about the presence of ancient ethnocultural links between ancestors of the Yakuts and modern Ural peoples of Western Siberia. The tribes from historical lore and Yakutian legends are said to be aboriginal population of the north-western border of Yakutia, successors of the local archaeological cultures of the Late Neolithic and the Paleometal Age. The material given describes ethnocultural complex processes that took place in ancient Yakutia, which contributed to the formation of the Yakut ethnos and its culture.

Key words: Yakutia, Yakuts, ethnocultural genesis, autochthonous tribes, Samoyeds, Paleo-Asiatics, archaeological cultures, the Neolithic, the Paleometal Age, the Middle Ages.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-41-2-119-127

REFERENCES

- Alekseev A.N., 1996. *Drevniaia lakutiia: Zheleznyi vek i epokha srednevekov'ia* [Ancient Yakutia: The Iron Age and the Middle Ages], Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 96 p.
- Alekseev V.P., 1971. Lesnye nentsy (somatologicheskie nabliudeniia) [The forest Nenets (somatological observations)]. *Voprosy antropologii*, 39, pp. 61–75.
- Antonov N.K., 1971. *Materialy po istoricheskoi leksike iakutskogo iazyka* [Materials on the historical vocabulary of the Yakut language], Yakutsk: Iakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 176 p.
- Bolo S.I., 1994. *Proshloe iakutov do prikhoda russkikh na Lenu (Po predaniiam iakutov byvshego iakutskogo okruga)* [The past of the Yakuts before the Russians' arrival to Lena river (by Yakutian legends from the former Yakut district)], Yakutsk: Bichik, 352 p.
- Borodovskii A.P., Tabarev A.V., 2001. Korreliatsiia obychaia skal'pirovaniia v Severnoi Amerike i Zapadnoi Sibiri [Correlation of the custom of scalping in North America and Western Siberia]. *Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniï*, Nalchik; Omsk: Izd-vo Omskogo gos. ped. un-ta, pp. 207–210.
- Chindina L.A., 1991. *Istoriia Srednego Priob'ia v epokhu rannego srednevekov'ia: (Relkinskaia kul'tura)* [History of the Middle Ob River region in the early Middle Ages (Ryolkin culture)], Tomsk: Izdatel'stvo Tom. un-ta, 184 p.
- Ergis G.U., 1960, (ed). *Istoricheskie predaniia i rasskazy iakutov* [Historical legends and stories of the Yakuts], vol. I, Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 322 p.
- Ermolova N.V., 2000. Tatuïrovka v kul'turnoi traditsiiï evenkov (k probleme etnogeneza) [Tattooing in cultural tradition of Evenkis (ethnic genesis revisited)]. *Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa: Materialy Chetvertykh Sibirskikh chtenii*, St. Petersburg, pp. 113–118.
- Ertiukov V.I., 1990. *Ust'-mil'skaia kul'tura epokhi bronzy lakutii* [The Ust-Mil culture of the Bronze Age of Yakutia], Moscow: Nauka, 152 p.
- Gogolev A.I., 1993. *Iakuty: Problemy etnogeneza i formirovaniia kul'tury* [The Yakuts: Problems of ethnic genesis and cultural formation], Yakutsk: Iakutskii un-t, 200 p.
- Gogolev A.I., 2008. Obozrenie etnicheskoi istorii Zapadnoi lakutii (do nachala XX v.) [A review of the ethnic history of Western Yakutia (before XX century)]. *Nauka i obrazovanie*, Iakutsk: AN RS (Ia), pp. 66–72.
- Gokhman I.I., Tomtosova L.F., 1992. Antropologicheskie issledovaniia neoliticheskikh mogil'nikov Diring-luriakh i Rodinka [Anthropological researches of the Neolithic burial grounds of Diring-Yuryakh and Rodinka]. *Arkheologicheskie issledovaniia v Iakutii: Sbornik trudov Prilenskoï arkheologicheskoi ekspeditsii*, Novosibirsk: Nauka, pp. 105–124.
- Golovnev A.V., 1995. *Govoriashchie kul'tury: Traditsii samodiitsev i ugrov* [Speaking cultures: Traditions of Samoyeds and Ugrians], Ekaterinburg: UrO RAN, 600 p.
- Grach A.D., 1980. *Drevnie kochevniki v tsentre Azii* [Ancient nomads in the center of Asia], Moscow, 256 p.
- Gurvich I.S., 1980, (ed). *Semeinaia obriadnost' narodov Sibiri: Opyt sravnitel'nogo izucheniia* [Family ritualism of the peoples of Siberia: An attempt of a comparative study], Moscow: Nauka, 240 p.
- Iatsenko S.A., 2006. *Kostium drevnei Evrazii: (Iranoiazychnye narody)* [Costume of ancient Eurasia: (Persian-speaking peoples)], Moscow: Vostochnaia literatura, 664 p.
- Ivanov M.S., 2000. «Zamyslivshie pobeg v Peguiu ordu...»: (O toponime Iarkan-Zharkhan) [«Those who planned to flee to the Skewbald Horde...»: (About the toponym Zharhan)]. *Ilin*, no. 1, pp. 17–20.

Племена «ставшие ветром»: к вопросу об автохтонном субстрате в этнокультурогенезе якутов

- Kirillin A.S., 1994. Mnogosloinaia stoianka Ulakhan Segelenniakh v luzhnoi lakutii [The multilayer man site of Ulakhan Segelenneekh in South Yakutia]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1993 goda*, pp. 170–171.
- Konstantinov I.V., 1975. Proiskhozhdenie iakutskogo naroda i ego kul'tury [Origin of the Yakut people and their culture]. *lakutii i ee sosedi v drevnosti*, Yakutsk, pp. 106–173.
- Konstantinov I.V., 1978. *Rannii zheleznyi vek lakutii* [Early Iron Age in Yakutia], Novosibirsk: Nauka, 129 p.
- Ksenofontov G.V., 1977. *Elleiada: Materialy po mifologii i legendarnoi istorii iakutov* [Elleiada (fables about Ellei): Materials on Yakuts' mythology and legendary history], Moscow: Nauka, 246 p.
- Ksenofontov G.V., 1992. *Uraankhai sakhalar: Ocherki po drevnei istorii iakutov* [The Uraankhai Sakha: Essays on the Yakuts' ancient history], Yakutsk: Nats. kn. izd-vo, vol. 1 (a), 416 p.; vol. 2 (b), 317 p.
- Okladnikov A.P., 1955. *lakutii do prisoedineniia k russkomu gosudarstvu* [Yakutia before joining Russia]. *Istoriia Iakutskoi ASSR*, vol. 1, Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 432 p.
- Pavlińskaia L.R., 2001. Nekotorye aspekty kul'turogeneza narodov Sibiri (po materialam shamanskogo kostiama) [Some aspects of the cultural genesis of Siberian peoples (materials of shaman's costume)]. *Evraziia skvoz' veka*, St. Petersburg, pp. 229–232.
- Polos'mak N.V., 2001. *Vsadniki Ukoka* [The Ukok horsemen], Novosibirsk: INFOLIO-press, 336 p.
- Polos'mak N.V., Barkova L.L., 2005. *Kostium i tekstil' pyzryksev Altaia (IV–III vv. do n.e.)* [Costume and textiles of the Pazyryk people in Altai (IV–III centuries BC.)], Novosibirsk: INFOLIO, 232 p.
- Potapov L.P., 1969. *Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev: Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Ethnic structure and origin of Altai people: A historical and ethnographic essay], Leningrad: Nauka, 196 p.
- Priklonskii V.L., 1890. Pokhorony u iakutov v severnoi chasti iakutskoi oblasti [The Yakut funerals in the north of the Yakut region]. *Sibirskii sbornik*, 1, Irkutsk, pp. 159–168.
- Rudenko S.I., 1948. *Vtoroi Pazyrykskii kurgan: Rezul'taty rabot ekspeditsii Instituta istorii material'noi kul'tury Akademii nauk SSSR v 1947 g. Predvaritel'noe soobshchenie* [The second Pazyryk mound], Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha, 64 p.
- Sheremet'eva V.A., Gorshkov V.A., Mednikov B.N., 1983. Molekuliarnaia istoriia koriakov Kamchatki [Molecular history of the Koryak people of Kamchatka]. *Priroda*, no. 1, pp. 23–33.
- Shreiber S.E., 1931. Mediko-sanitarnoe obsledovanie naseleniia Viliuiskogo i Olekminskogo okrugov [A health survey of the population of Vilyuysky and Olekminsky districts]. *Materialy Komissii po izucheniiu iakutskoi ASSR*, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 372 p.
- Sleptsova A.V., 2016. Obychai iskusstvennoi deformatsii cherepa u naseleniia Pritobol'ia epokhi Velikogo pereseleniia narodov [The custom of artificial deformation of the skulls of the population in the Tobol River basin during the Migration Period]. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*, Tyumen: Tiimenskii gosudarstvennyi universitet, pp. 57–60.
- Stepanov A.D., 2005. Samodiiskaia i iukagirskaia toponimika na karte lakutii: k problemam genezisa drevnikh kul'tur Severa [Samoyedic and Yukaghir toponyms on the map of Yakutia: genesis of ancient cultures of the North revisited]. *Sotsiogenez v Severnoi Azii*, part 2, Yakutsk: Izdatel'stvo IrGTU, pp. 223–227.
- Stepanov A.D., D'iakonov V.M., Vorob'ev S.A., Kirillin A.S., 2012. Radiouglerodnoe datirovanie, geomorfologiya i stratigrafiia mnogoslainoi stoiarki Ulakhan-Segelenniakh v luzhnoi lakutii [Radiocarbon age determination, geomorphology and stratigraphy of Ulakhan-Segelenneekh multilayer man site in South Yakutia]. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri: Materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (Ulan-Bator, 5–9 sentiabria 2012 g.)*, 3, Ulan-Bator: Izdatel'stvo Mong. gos. un-ta, pp. 619–630.
- Stepanov A.D., Kirillin A.S., 2003. Ornamentirovannaia kostianaia plastina so stoiarki Ulakhan Segelenniakh [Ornamented bone plate from Ulakhan Segelenneekh man site]. *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoi Azii. Astroarkheologiya. Paleoinformatika*, Novosibirsk: Nauka, pp. 90–92.
- Strel'ov E.D., 1916. Akty arkhivov iakutskoi oblasti: (s 1650 g. do 1800 g.) [Acts from the archives of Yakut region (from 1650 to 1800)]. *Izvestiia iakutskoi oblastnoi uchenoi arkhivnoi komissii*, vol. 1, Yakutsk: Tip. obl. upr., 308 p.
- Tokarev S.A., 1949. K postanovke problem etnogeneza [Problems of ethnic genesis revisited]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 3, pp. 12–36.
- Tugolukov V.A., 1985. *Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri* [Tungusic people (Evenkis and Evens) of Central and Western Siberia], Moscow: Nauka, 284 p.
- Vadetskaia E.B., 1999. *Tashtykskaia epokha v drevnei istorii Sibiri* [The Tashtyk era in the ancient history of Siberia], St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 441 p.
- Vasil'ev F.F., 1994. K voprosu ob ural'skom komponente v etnicheskoi kul'ture iakutov [The Uralic component in the ethnic culture of the Yakuts revisited]. *Etnos: Traditsii i sovremennost'*, Yakutsk, pp. 16–23.
- Vasilevich G.M., 1958. Tungusskii kaftan: (K istorii ego razvitiia i rasprostraneniia) [Tungusic caftan: (history of its development and distribution revisited)]. *Sbornik MAE*, vol. 18, pp. 122–178.
- Zhukova L.N., 2010. Kannibalizm i mechta o schastливой zhizni v skazochnom fol'klоре odulov (lesnykh iukagirov verkhnei Kolymy) [Cannibalism and dreams of a happy life in a fairy-tale folk lore of Oduls (forest Yukaghirs of upper Kolyma)]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 1 (1), pp. 77–82.
- Zolotareva I.M., 1971. O nekotorykh problemakh etnicheskoi antropologii Severnoi Azii [About some issues of ethnic anthropology of Northern Asia]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, p. 44.